

УДК 349.6
ББК 67.407.6

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.361

Anisimov Alexey Pavlovich,
doctor of law, professor,
professor of the department of civil law
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: anisimovap@mail.ru

Анисимов Алексей Павлович,
д-р юрид. наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: anisimovap@mail.ru

Shchukova Lilia Ilyinichna,
student of Volgograd Institute of Business,
Volgograd,
e-mail: shykova.liliya@gmail.com

Щукова Лилия Ильинична,
студентка Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: shykova.liliya@gmail.com

Kozlov Victor Sergeevich,
student of Volgograd Institute of Business,
Volgograd,
e-mail: vikz97@mail.ru

Козлов Виктор Сергеевич,
студент Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: vikz97@mail.ru

ВОЗДУШНОЕ ПРАВО КАК ОТРАСЛЬ ПРАВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

AIR LAW AS A BRANCH OF LAW: THEORETICAL ISSUES

12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право
12.00.06 – Land law; natural resources law; ecological law; agrarian law

В статье анализируются вопросы о месте в системе права совокупности правовых норм, регулирующих отношения по использованию и охране атмосферного воздуха. Авторами доказывается, что наиболее удачным термином, обозначающим наименование формирующейся отрасли российского природоресурсного права, регулирующей вопросы использования и охраны атмосферного воздуха, является термин «воздушное право». Делается вывод, что воздушное право можно рассматривать как совокупность норм, регулирующих использование и охрану атмосферного воздуха, которая имеет тесные межотраслевые связи с экологическим, гражданским, транспортным и иным законодательством.

This article analyzes the place of the complex of law principles regulating the use and protection of atmospheric air in the system of law. The author argues that the term «air law» is the most convenient for a growing branch of Russian natural resources law which controls the issues of using and protecting atmospheric air. It is concluded that air law may be regarded as the set of principles regulating the use and protection of atmospheric air; it has close inter-branch relations with ecological, civil, transport and other types of law.

Ключевые слова: природоресурсные отрасли права, воздушное право, экологическое право, природные ресурсы, природоресурсные законы.

Keywords: natural resources law branches, air law, ecological law, natural resources, natural resources law acts.

Объективно существующая необходимость дальнейшего развития земельного и иных природоресурсных отраслей права обуславливает необходимость обсуждения не только частных вопросов преодоления в них ряда пробелов и коллизий, но и доктринальных вопросов, лежащих

в основе представлений об отраслях права и системе права в целом. Одним из них является вопрос о месте в системе права совокупности правовых норм, регулирующих отношения по использованию и охране атмосферного воздуха.

В теории российского (и в целом постсоветского) экологического права является общепризнанным вывод о существовании природоресурсного права, состоящего из шести разнозначных отраслей: земельного, водного, горного, лесного, фаунистического, воздушного права. Основные дискуссии ведутся относительно соотношения экологического и природоресурсного права [1].

Большая часть ученых полагает, что экологическое право включает в себя две составные части — природоресурсное и природоохранное право (концепция экологического права в широком смысле); меньшая часть считает, что процесс разукрупнения еще советских отраслей права продолжается, и потому природоресурсное право — это общее название шести самостоятельных отраслей права, находящихся на разной степени развития и доктринального оформления (концепция экологического права в узком смысле) [2].

Основной вопрос таких дискуссий состоит в том, что при широком подходе возникает ряд проблем, не имеющих убедительного разрешения. В их числе — место в системе права земельного, водного, горного, лесного и иных природоресурсных отраслей. Если природоресурсное право — это подотрасль экологического права, то тогда горное или лесное право — это правовые институты. Однако общий объем входящих в них правовых норм больше любого института гражданского или уголовного права в несколько раз (если не в десятки раз), что означает резкий перекокс в системе права, включение в нее несопоставимых по нормативному объему правовых образований.

Если же экологическое право включает в себя в качестве подотраслей земельное, водное, лесное, горное, воздушное, фаунистическое, природно-заповедное, природоохранительное

право [3], то тогда получается, что в экологическом праве подотраслей больше, чем во всех остальных отраслях российского права вместе взятых, с чем едва ли можно согласиться.

Если природоресурсное право — отрасль права, и именно в таком качестве оно входит в состав экологического права, то тогда нарушается общепризнанный принцип, лежащий в основе деления системы права на отрасли и заключающийся в том, что одна отрасль права не может быть составной частью другой отрасли права. Внутреннее деление отрасли права предполагает лишь выделение подотраслей, институтов (субинститутов) и норм.

Не вдаваясь сейчас в подробности данной дискуссии, заметим, что вне зависимости от того, является ли воздушное право самостоятельной отраслью, подотраслью или институтом, необходимо исследование его внутреннего содержания в контексте общей теории природоресурсного права, а именно устоявшейся системы представлений о том, что любой из шести природных объектов и природных ресурсов одинаково важен и ценен, должен иметь надлежащее правовое регулирование и состоять из трех взаимосвязанных элементов: природный объект; природный ресурс; индивидуализированная часть природного ресурса, являющаяся объектом гражданских прав. Исходя из этих общих рассуждений, попробуем выявить основные дискуссионные вопросы, связанные с признанием воздушного права (в той или иной интерпретации его названия) составной частью системы российского права.

1. Первый большой вопрос касается названия рассматриваемой составной части природоресурсного права. На этот счет было высказано много взаимоисключающих точек зрения, требующих предметного анализа.

Так, О. С. Колбасов отмечал, что советское право представляет собой «...совокупность отраслей права, которые исторически сложились в той или иной форме и официально признаны. В их числе государственное, административное, гражданское, хозяйственное, трудовое, уголовное, земельное, горное, водное, лесное, воздушное, фаунистическое право и т. д.» [4].

В. П. Балезин также предлагал включить в Особенную часть природоресурсного права наряду с земельным, лесным, горным и водным правом фаунистическое и воздушное право, а также институт, регулирующий правовой режим природных комплексов. При этом он считал, что, объединив указанные отрасли в одну, каждая из них перестанет быть самостоятельной, и в результате можно будет говорить о самостоятельности новой суперотрасли в целом [5].

С термином «воздушное право» не соглашается А. К. Голиченков, предлагая несколько иной термин — «атмосферовоздушное право», под которым необходимо понимать систему правовых норм и институтов (субинститутов), составляющих подотрасль экологического («природоохранительного») права, предметом регулирования которой являются общественные отношения по охране атмосферного воздуха. Кроме того, в данной работе указывается на то, что это формирующаяся самостоятельная отрасль права, предметом регулирования которой являются общественные отношения по охране и использованию атмосферного воздуха, причем специально подчеркивается, что данная точка зрения пока еще «не является общепризнанной» [6].

Большое внимание данному вопросу уделяется и в научных исследованиях ученых из стран СНГ. Так, представители эколого-правовой науки Республики Казахстан

отмечают, что в эколого-правовой доктрине предлагается несколько названий для рассматриваемой отрасли права, в том числе воздушное право, воздухоохранительное право, атмосферное, атмосфероохранное и атмосфероохранительное право, причем последнему термину они и предлагают отдавать предпочтение. Отмечается, что в отличие от термина «воздушное право» оно позволяет избежать путаницы, связанной с действием Закона об охране атмосферного воздуха и Воздушного кодекса. Последним регулируются отношения по использованию воздушного пространства в интересах обеспечения безопасности полетов самолетов гражданской авиации. Этот акт не относится к актам природоохранительного характера.

Название «воздушное право», кроме того, представляется казахстанским ученым неполным, так как не отражает цель данной отрасли — охрану атмосферного воздуха. При этом, впрочем, они признают, что и в названиях «земельное», «горное», «водное», «лесное», «фаунистическое» право соответствующая цель только подразумевается. Однако атмосферный воздух, в силу его специфики, подлежит главным образом охране. Задачами соответствующего законодательства являются регулирование общественных отношений в целях сохранения чистоты и улучшения состояния атмосферного воздуха, предотвращения и снижения вредных химических, физических, биологических и иных воздействий на атмосферу. Эта специфика наиболее удачно передается предлагаемым ими термином «атмосфероохранительное право» [7].

Несколько другой (хотя и родственной) термин предлагает М. М. Бринчук, который указывает, что «...при характеристике экологического права как комплексной отрасли (суперотрасли) важно иметь в виду наличие в его системе сформировавшихся и признанных отраслей права — земельного, горного, водного, лесного, фаунистического и воздухоохранительного» [8; 9; 10].

Главным же сторонником такого названия являлся Р. Х. Габитов. По его мнению, воздухоохранное право — это самостоятельная отрасль российского права, в систему которого входят общая и особенная часть. В общей части он выделяет институт права собственности на атмосферу Земли; институт права пользования ею; институт управления охраной атмосферы Земли; институт юридических механизмов охраны атмосферы Земли; институт юридической ответственности за нарушение воздухоохранного законодательства [11].

При всей привлекательности и ценности изложенных выше доктринальных соображений тем не менее хочется обратить внимание на следующие обстоятельства. В названии всех отраслей природоресурсного права должна быть одна логика, а также один подход к моделированию их внутренней структуры и направленности. Если земельное, водное, горное, лесное, фаунистическое право названы по имени того ресурса, регулирование рационального использования и охраны которого они призваны осуществлять, то нельзя отходить от общей логики и называть одну из шести природоресурсных отраслей по-другому. Поэтому термин «воздушное право» самый удачный.

2. Все российские природоресурсные законы (ЗК РФ, ЛК РФ, ВК РФ и т. д.) упоминают словосочетание «использование и охрана» применительно к каждому виду природных ресурсов. При этом в сферу правового регулирования попадают «природные объекты и природные ресурсы»,

а также указывается порядок индивидуализации каждого такого природного ресурса, порядок его отчуждения в частную собственность (например, земельных участков, добытых полезных ископаемых, подстреленных на охоте животных и т. д.). И только применительно к атмосферному воздуху законодатель подходит нестандартно: базовый закон о нем называется «Об охране атмосферного воздуха», а не «Об использовании и охране»; федеральные законы никак не упоминают о возможности индивидуализации атмосферного воздуха с целью передачи его в частную собственность (с переходом такой индивидуализированной части из сферы экологических в сферу гражданских правоотношений). Аналогичный подход мы видим и в законодательстве, а также научной доктрине других стран СНГ. Например, представители эколого-правовой науки Республики Беларусь полагают, что атмосферный воздух является объектом охраны, но не использования. В связи с этим в систему отраслей природоресурсного права ни воздушное, ни воздухоохранное законодательство не включаются [12]. Другие белорусские ученые отмечают, что ввиду отсутствия норм, регулирующих использование атмосферного воздуха, никакого атмосферного права нет, однако воздух является природным ресурсом [13, с. 157–158].

Последняя позиция представляется несколько двойственной: если атмосферный воздух — это природный ресурс, тогда почему нет норм, регулирующих его использование? В целом же сложившийся в научной доктрине и законодательстве России и стран СНГ подход означает наличие асимметричного восприятия одной из составных частей природоресурсного права и законодательства. С этим невозможно согласиться по следующим причинам:

а) в настоящий момент происходит разукрупнение природоресурсного права, сопровождающееся выделением из него отдельных самостоятельных отраслей. Относительно самостоятельности земельного права особых дискуссий не было уже во времена СССР, сейчас же по поводу ряда подотраслей природоресурсного права (лесное, водное, горное) количество публикаций с аргументами об их самостоятельности растет прямо на глазах [14; 15; 16]. Однако в части фаунистического и воздушного права такого единомыслия у ученых нет, хотя очевидно, что четыре из шести родственных отраслей права не могут быть в статусе самостоятельных отраслей, а две других быть в неизвестном правовом качестве. Думается, что формирование фаунистического и воздушного права как самостоятельных отраслей права идет полным ходом. При этом остается открытым вопрос: почему в ст. 72 Конституции РФ упоминаются экологическое, горное, водное, земельное, лесное законодательство как предмет совместного ведения, но не упоминаются воздушное и фаунистическое? Могут ли одни природные ресурсы быть важнее других?

б) каковы особенности атмосферного воздуха как природного ресурса?

— воздух является природным ресурсом, который может использоваться в рамках общего или специального природопользования. Последнее означает его использование для полетов воздушных судов; размещения линий связи и электропередач; распространение рекламы с использованием воздушных шаров, аэростатов и иных воздушных средств; выработки электроэнергии; размещения вредных выбросов. В отношении последнего необходимо провести следующую аналогию: предприниматель арендует

земельный участок для размещения на нем за плату отходов производства и потребления. Точно так же и в нашем случае происходит размещение (после уплаты государству денежных средств) в атмосферном воздухе вредных веществ, но не твердых бытовых и промышленных отходов, а газообразных, то есть использование его свойств (ассимиляционного потенциала) в хозяйственных целях;

— не имея возможности в рамках одной статьи детально исследовать все виды разрешенного использования атмосферного воздуха, перечислим ряд видов общего природопользования (кроме дыхания человека и животных): использование атмосферного воздуха в спортивных целях (прыжки с парашютом), для отдыха (запуск бумажных змеев, фейерверков и т. д.); использование ветра в качестве движущей силы для мельниц и парусных судов и т. д.

Таким образом, представляется недопустимым при конструировании отраслей природоресурсного права предусматривать различное внутреннее строение этих отраслей. Другими словами, не очень логично выглядит указание в земельном, водном, горном, лесном, фаунистическом праве на использование и охрану данных природных объектов и ресурсов как цель правового регулирования, а в воздушном праве — только на охрану. В этом случае разрушается единая правовая логика строения природоресурсного права.

3. Вопрос о самостоятельности воздушного права как отрасли российского права нельзя рассматривать вне контекста аналогичных дискуссий в международном публичном праве. Там этот вопрос вполне однозначно решен путем выделения международного воздушного права — отрасли международного публичного права, в рамках которой «...объединены специальные юридические принципы и нормы, определяющие правовое положение воздушного пространства различных категорий и находящихся в нем невоенных летательных аппаратов» [17]. При этом международное воздушное право сосуществует рядом с другими отраслями (не поглощая друг друга), в том числе с международным экологическим правом, международным атомным правом и т. д.

Таким образом, в международном праве мы видим такую же двойственность, как и в национальном российском праве: международное воздушное и международное экологическое право — это две разные отрасли права.

В то же время это не исключает наличия весьма тесных межотраслевых связей между ними. Например, в научной литературе отмечалось, что современный реактивный самолет при перелете из Европы в Америку потребляет столько кислорода, сколько за это время могут выделить 25 тыс. га леса [13, с. 162]. Однако эту взаимосвязь между международным воздушным и международным экологическим правом можно объяснить точно так же, как и между национальным экологическим и природоресурсным (воздушным) правом.

На это обращал внимание А. Я. Рыженков. Он отмечал, что если «...экологическое право регулирует отношения по охране окружающей среды от различных форм антропогенного воздействия, а природоресурсное право (как общее научное название ряда самостоятельных отраслей права) — отношения по использованию природных ресурсов, то динамика их взаимодействия друг с другом определяется через сложную систему межотраслевых связей точно так же, как и между ними и гражданским или административным правом» [18].

Например, весьма тесные межотраслевые связи прослеживаются у воздушного права с гражданским правом в части договора международной воздушной перевозки [19]. Наличие межотраслевых связей между различными отраслями права — современная реальность, часто обсуждаемая в науке [20; 21; 22].

Из этого следует, что по аналогии с самостоятельной отраслью международного воздушного права есть все основания говорить и о формировании воздушного права как отдельной самостоятельной отрасли права РФ.

4. Проблема индивидуализации воздуха. Если мы проведем анализ ЛК РФ, ВК РФ и иных природоресурсных актов, то обнаружим, что все они построены по одной «триединой» модели: в рамках любой природоресурсной отрасли права предусмотрено существование природного объекта, природного ресурса и индивидуализированного объекта (земельный участок, участок недр, ведро воды, пойманное животное), который может находиться в частной собственности. При этом если такое животное выпустить обратно в окружающую среду, то оно снова обретет свойства природного ресурса. Однако в случае с атмосферным воздухом мы такого подхода не наблюдаем: по экологическому законодательству он только природный объект, и это не логично. Р. Х. Габитов, исследуя правовой статус атмосферного воздуха, полагал, что «...он, обладая всеми свойствами, присущими объектам материального мира, в практическом плане не поддается индивидуализации» [22].

Однако если мы согласимся с таким подходом, то тогда у нас разрушается единая модель использования и охраны всех природных ресурсов. Представляется, что индивидуализация атмосферного воздуха как природного ресурса будет происходить не на местности, а исходя из его возможности рассеивать определенный объем вредных веществ либо выполнять иную полезную функцию в интересах частных лиц (например, полеты на самолете).

В данном случае можно провести следующую аналогию: для создания транспортных путей (автомобильных или железнодорожных) на местности выделяются земельные участки. Однако воздух — это тоже локализованный в пространстве транспортный коридор, за пользование которым взимается плата. Другое дело, что локализуется он

в других, не плоскостных системах координат. При этом, продолжая метод аналогии, заметим, что индивидуализация любого природного ресурса (в том числе и атмосферного воздуха) не обязательно преследует коммерческие цели. Так, примером индивидуализации природного ресурса — объекта животного мира может служить отлов животного в научных целях, когда на него вешают специальный датчик контроля движения и отпускают. Иные виды индивидуализации (при охоте или поимке для зоопарка) влекут прекращение статуса объекта животного мира.

Итак, границы индивидуализации воздуха оригинальны и не привязаны к местности, децентрализованы, и в этом его специфика. Первые соображения об индивидуализации воздуха уже прозвучали. Так, в авторитетном словаре про термин «атмосферный воздух» отмечается, что он не только природный объект и природный ресурс, но и «объект права пользования» [6].

Таким образом, представляется, что земля, воды, недра, леса, фауна и атмосферный воздух объективно существуют в трех качествах: природного объекта, природного ресурса, индивидуализированной части природного ресурса, являющейся объектом гражданских прав. Применительно к атмосферному воздуху нормативно и доктринально предусмотрено его существование только в виде природного объекта, что порождает асимметрию в праве. С точки зрения логики и юридической техники нельзя допустить, чтобы одни природные ресурсы могли быть вещью и объектом гражданских прав, а другие нет. Для них могут быть предусмотрены разные формы собственности или разный объем оборотоспособности, но не разная юридическая природа.

Наиболее удачным термином, обозначающим наименование формирующейся отрасли российского природоресурсного права, регулирующей вопросы использования и охраны атмосферного воздуха, является термин «воздушное право». Воздушное право как совокупность норм, регулирующих использование и охрану атмосферного воздуха, имеет тесные межотраслевые связи с экологическим, гражданским, транспортным и иным законодательством, что является отражением тенденции взаимопроникновения норм различной отраслевой принадлежности, часто обсуждаемой в литературе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Разгельдеев Н. Т. К вопросу о правовой природе экологического и природно-ресурсного права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». 2014. № 2. С. 29–36.
2. Чаркин С. А. Земельные правоотношения как межотраслевая правовая категория : монография. М. : Юрайт, 2012. С. 40.
3. Чаусова Л. Л. Принципы экологического права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1998. С. 10–12.
4. Колбасов О. С. Концепция экологического права // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. 2016. № 1. С. 177.
5. Балезин В. П. К вопросу о природоресурсовом праве // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 1977. № 1. С. 11–19.
6. Голиченков А. К. Экологическое право России: словарь юридических терминов : учебное пособие для вузов. М. : Городец, 2008. С. 5.
7. Мухитдинов Н. Избранные труды в 9 томах. Т. 5. : Теоретические и законодательные проблемы некоторых отраслей права. 2-е изд., доп. Алматы, 2011. С. 326–327.
8. Бринчук М. М. Экологическое право : учебник для высших учебных заведений. М. : Высшее образование, 2005. С. 53.
9. Шварц Х. И., Тютюкин Ю. И. Правовая охрана природы Молдавии. Кишинев, 1964. С. 289;
10. Абанина Е. Н. Некоторые вопросы развития экологического права на современном этапе // Власть закона. 2012. № 1. С. 108–116.
11. Габитов Р. Х. Теоретические проблемы правовой охраны атмосферы земли в современных условиях : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2000. С. 21–23.

12. Шингель Н. А., Шахрай И. С. Природоресурсное право : учебное пособие. Минск, 2017. С. 10–13.
13. Сапогин А. Н. Природоресурсное право Республики Беларусь. Особенная часть. Минск : Академия МВД, 2015. С. 157–158.
14. Быковский В. К. Лесное право России : учебник для магистров. М. : Юрайт, 2012. С. 15.
15. Яковлев В. Н. Горное право современной России (конец XX — начало XXI века) : учебное пособие. М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 13–18.
16. Коростелев С. В. Земельное и лесное право : Учебное пособие. СПб., 1998. С. 179.
17. Международное публичное право : учеб. / Л. П. Ануфриева, Д. К. Бекашев, К. А. Бекашев, В. В. Устинов [и др.] ; отв. ред. К. А. Бекашев. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 559.
18. Рыженков А. Я. Принципы экологического права. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 13–14.
19. Выгодянский А. В. Гражданско-правовое регулирование договоров воздушной перевозки груза и пассажира : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 29 с.
20. Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2009.
21. Рыженков А. Я. Межотраслевые принципы природоресурсного права как правовая категория // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 4. С. 19–27.
22. Габитов Р. Х. Правовая охрана атмосферы : учебное пособие. Уфа, 1996. С. 8.

REFERENCES

1. Razgeldeev N. T. Revisiting the legal nature of ecological and natural resources law // Bulletin of Volgograd State University. Series 5 «Jurisprudence». 2014. No. 2. P. 29–36.
2. Charkin S. A. Land legal relationship as an inter-branch law category: monograph. M. : Yurayt, 2012. P. 40.
3. Chausova L. L. Principles of ecological law : author's abstract. dis. ... candidate of law. Kharkov, 1998. P. 10–12.
4. Kolbasov O. S. The concept of ecological law // Bulletin of O. E. Kutafin University. 2016. No. 1. P. 177.
5. Balezin V. P. Revisiting nature resources law // Bulletin of Moscow University. Series 11 «Law». 1977. No. 1. P. 11–19.
6. Golichenkov A. K. Russian ecological law: Dictionary of legal terms : Manual for higher schools. M. : Gorodets, 2008. P. 5.
7. Mukhitdinov N. Selected works in 9 volumes. V. 5. : Theoretical and legislative problems of some branches of law. 2 ed., enlarged. Almaty, 2011. P. 326–327.
8. Brinchuk M. M. Ecological law : Textbook for higher educational institutions. M. : Higher education, 2005. P. 53.
9. Shvarts H. I., Tyutekin Yu. I. Legal protection of the nature of Moldavia. Kishinev, 1964. P. 289.
10. Abanina E. N. Some issues of the development of ecological law at the present time // Rule of law. 2012. No 1. P. 108–116.
11. Gabitov R. H. Theoretical problems of the legal protection of the Earth atmosphere in modern conditions : the author's abstract. dis. ... doctor of law. Ufa, 2000. P. 21–23.
12. Shingel N. A., Shakhrai I. S. Natural resources law : manual. Minsk, 2017. P. 10–13.
13. Sapogin A. N. The natural resources law of the Republic of Belarus. The special part. Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2015. P. 157–158.
14. Bykovsky V. K. Forest law of Russia : Textbook for masters. M. : Yurayt, 2012. P. 15.
15. Yakovlev V. N. Mining law of modern Russia (the end of the XX — the beginning of the XXI century) : Textbook. M. : Norma: INFRA-M, 2012. P. 13–18.
16. Korostelev S. V. Land and forest law : Textbook. St. Petersburg, 1998. P. 179.
17. International public law : Textbook / L. P. Anufrieva, D. K. Bekyashev, K. A. Bekyashev, V. V. Ustinov [and others] ; editor-in-chief K. A. Bekyashev. 4 ed., rev. and add. M., 2005. P. 559.
18. Ryzhenkov A. Ya. Principles of ecological law. M. : Yurлитинформ, 2018. P. 13–14.
19. Vygodyansky A. V. Civil regulation of contracts of air transportation of cargo and passengers : the author's abstract. dis. ... candidate of law. M., 2013. P. 29.
20. Chelyshev M. Yu. System of inter-branch relations of civil law: civil research : author's abstract. dis. ... dr. of law. Kazan, 2009.
21. Ryzhenkov A. Ya. Inter-branch principles of natural resources law as a legal category // Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2014. No 4. P. 19–27.
22. Gabitov R. H. Legal protection of the atmosphere : Textbook. Ufa, 1996. P. 8.

Как цитировать статью: Анисимов А. П., Шукова Л. И., Козлов В. С. Воздушное право как отрасль права: вопросы теории // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 3 (44). С. 262–266. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.361.

For citation: Anisimov A. P., Shchukova L. I., Kozlov V. S. Air law as a branch of law: theoretical issues // Business. Education. Law. 2018. No. 3 (44). P. 262–266. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.361.